

УДК 329(470):001.891(510)

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2024.50.86>

Политические партии России: взгляд из Китая

Ван Яцин*

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
г. Томск, Российская Федерация*

Аннотация. Анализируются исследования российских политических партий учеными из Китайской Народной Республики. Характеризуются взгляды китайских политологов на формирование и развитие российских партий, а также на структуру партийной системы современной России. При этом основное внимание сосредоточивается на парламентских партиях, поскольку считается, что именно их состав, особенности и взаимодействие оказывают решающее влияние на партийную систему. Показывается, что в соответствии с позицией китайских ученых, российская партийная система подразделяется на партию власти («Единая Россия»), псевдооппозицию (ЛДПР и «Справедливая Россия») и системную оппозицию (КПРФ). Подчеркивается взаимосвязь выводов китайских исследователей и российской политической науки. Отмечается, что китайские исследования российских партий обнаруживают определенную специфику, которая выражается главным образом в своеобразной трактовке расстановки политических сил (деление оппозиции на системную и псевдооппозицию), повышенном внимании к партийным идеологиям, а также концентрации исследовательского интереса на тех политических силах, которые обладают реальной властью или значительным политическим влиянием. К их числу китайские ученые относят, прежде всего, партии «Единая Россия» и КПРФ.

Ключевые слова: партии, политическая наука, китайские исследователи, Россия.

Для цитирования: Ван Яцин. Политические партии России: взгляд из Китая // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2024. Т. 50. С. 86–98. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2024.50.86>

Original article

Political Parties of Russia: a View from China

Wang Yaqing*

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

Abstract. This article explores how Chinese scholars analyze and interpret the political parties of Russia, focusing primarily on the structure and dynamics of the contemporary Russian party system. The study examines the categorization of Russian parties by Chinese political scientists into three groups: the “party of power” (“United Russia”), the “pseudo-opposition” (LDPR and “A Just Russia”), and the “systemic opposition” (CPRF). By employing a qualitative research approach, specifically text analysis, the article highlights the distinct perspectives of Chinese researchers, who place particular emphasis on party ideologies and the distribution of political power. The findings reveal both the similarities and differences between Chinese and Russian political science perspectives, offering insights into the nuances of party dynamics in Russia as understood by Chinese scholars.

Keywords: parties, political science, Chinese researchers, Russia.

For citation: Wang Yaqing. Political Parties in Russia: a View from China. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2024, vol. 50, pp. 86-98. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2024.50.86> (in Russian)

Введение

Изучение политических партий, их значения и влияния на политику государств стало устойчивым направлением развития современной политической науки. Политологи подчеркивают роль партий в выдвижении альтернатив политического развития, номинации кандидатов на выборные должности, структурировании выбора избирателей, координации деятельности должностных лиц правительства, а также рекрутировании политического персонала, артикуляции интересов, политической социализации граждан, мобилизации их в поддержку тех или иных политических лидеров, программ и инициатив [3, с. 156, 157; 10, с. 237–239]. Большое значение придается и системному характеру взаимодействия как между самими партиями, так и между ними и другими элементами политической системы, в частности государством и иными институтами власти. Именно такие взаимодействия в конечном итоге образуют партийную систему той или иной страны в ее современном понимании [8, с. 225; 11, с. 11]. Наконец, сравнительный анализ партийных систем и положения партий в тех или иных странах также все чаще привлекает внимание политологов [2, с. 9–147; 5, с. 141–190; 7, с. 11–27].

В этом контексте исследования политических партий, их роли и места в российской политике также имеют длительную традицию. Широко известен вклад в эту область исследований таких российских ученых, как Г. В. Голосов, С. Е. Заславский, Б. А. Исаев, Ю. Г. Коргунюк, А. В. Кынев, А. Е. Любарев, Б. И. Макаренко, К. Г. Холодковский, Я. Ю. Шашкова и др. Вместе с тем сами ведущие специалисты в этой области признают, что российские исследования партий носят преимущественно эндогенный характер. Публикации по партийной тематике традиционно опираются на работы относительно узкого круга иностранных авторов – М. Дюверже, Дж. Сартори, Ж. Блонделя [6, с. 114], а ссылки на оригинальные публикации современных западных исследователей все еще относительно редки.

Еще сложнее обстоит дело в российской политической науке с освоением достижений исследований, проведенных за пределами Европы и США. В результате практически вне поля зрения российской политологии остается достаточно обширный круг незападной, в частности китайской, научной литературы, посвященной партиям в России. Между тем в силу исторических причин китайские ученые испытывают естественный интерес к российской политике. В КНР выпускаются даже специализированные периодические издания, посвященные изучению положения дел в России, такие как «Российские исследования» и «Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии». Авторы этих и других научных журналов посвящают публикации различным аспектам политической системы России, в том числе политическим партиям. В исследованиях российских партий вовлечены специалисты не только в области политологии, но и международных отноше-

ний, истории, философии, литературы и лингвистики. Авторы многих исследований склонны давать общую оценку положения и тенденций развития российских партий, но в меньшей степени изучают конкретные аспекты. В результате китайские ученые чаще пишут обзорные работы, чем узкоспециализированные исследования. Тем не менее результаты этих исследований могут представлять значительный интерес как для российских коллег, так и для широкой аудитории.

В данном исследовании анализируются опубликованные в КНР работы современных китайских ученых об основных политических партиях России. Цель статьи – описать представления, сложившиеся в китайской политической науке, о становлении российской партийной системы, о роли и месте в ней каждой из парламентских партий. Это позволит отчасти преодолеть барьеры в обмене знаниями между странами и будет способствовать развитию этого направления исследований.

Формирование современной партийной системы

С момента распада Советского Союза до начала XXI в. российское общество претерпело значительные изменения на всех уровнях. Эти изменения коснулись и партийной системы России. Как отмечает китайский ученый Пань Дэли, российская многопартийная система прошла долгий путь от проектирования и институциональных изменений до практического функционирования. Переход от однопартийной системы к многопартийной в России, по его мнению, прошел как минимум через несколько этапов: 1) подготовительный этап, на котором возникли тысячи неформальных организаций; 2) этап разделения и реорганизации после распада КПСС и прихода к власти демократов (август 1991 – октябрь 1993 г.); 3) этап концентрации партий после выборов в Государственную Думу, последовавших за октябрьскими событиями 1993 г. [25, с. 28, 29].

В период правления президента Бориса Ельцина (1991–2000 гг.) в России образовалась нестабильная многопартийная система. Она отражала переходное состояние общества. В начале 2000-х гг., после принятия закона о политических партиях и объединения центристских партий, многопартийная система России постепенно стабилизировалась, сформировался базовый контур, в котором преобладали центристы, ослабленные левые и малоактивные правые партии [18]. Только в 2011 г. система стабилизировалась: партии «Единая Россия», КПРФ, «Справедливая Россия» и ЛДПР вновь вошли в Государственную Думу и образовали фракции ее VI созыва. Так сложилась стабильная многопартийная система с левыми, центристскими и правыми фракциями в современной России [31, с. 39]. Ли Сингэн полагает, что, хотя многопартийная система России постепенно нормализуется, все еще сохраняются проблемы недостаточной зрелости партий, ограниченности их роли и отрыва от власти [19, с. 15–17]. Это проявляется, в частности, в несоответствии роли партии власти и правящей партии в парламенте. Тан Сянсин характеризует многопартийную систему России как систему «без правящей партии» [26, с. 77–83].

Таким образом, формирование нынешней модели многопартийной системы в России с доминирующей партией власти и «сосуществующими» партиями описывается в работах политологов КНР как длительный исторический процесс. Выработанная ими характеристика основных этапов этого процесса и его результатов на рубеже XX–XXI вв. в целом соответствует выводам российских исследователей о перерастании неформальных движений в «хаотическую многопартийность» 1990-х гг. [12, с. 88–90], о значении институциональных реформ начала 2000-х гг. для стабилизации партийной системы [1, с. 103, 104] и о формировании в России системы с доминирующей партией [4, с. 204].

Китайские авторы в исследованиях парламентских партий ориентируются на анализ их природы, текущего состояния, перспектив развития, а также на развитие партийной системы в целом. Такое внимание к партиям объясняется тем, что в представлении китайских ученых внутренняя политика в первую очередь выражается через партийную политику. Можно предполагать, что в этом акценте проявляет себя не только влияние западной политологии, но и экстраполяция на Россию опыта КНР, где роль доминирующей партии играет КПК, а демократические партии сосуществуют с ней. Следуя этой традиции и опираясь на работы китайских исследователей, в данной статье российские парламентские партии разделены на партию власти, псевдоопозицию и системную оппозицию.

Партия власти и ее проблемы

Тан Сянсин считает, что феномен «партия власти», характерный для России, начал постепенно формироваться с 1990-х гг. После распада Советского Союза Россия в декабре 1993 г. утвердила Конституцию РФ путем всенародного референдума, в ней закреплено, что «Российская Федерация признает политическое многообразие и многопартийную систему» [26, с. 78]. После прихода к власти Путина были реорганизованы партийные ресурсы путем объединения движений «Единство» и «Отечество – Вся Россия», что привело к созданию в 2001 г. партии «Единая Россия» (ЕР), которая открыто поддерживает В. В. Путина. С тех пор, полагают китайские исследователи, ЕР установила долгосрочный контроль над парламентом. Цзан Сюлинь и Чжан Голиан считают, что, помимо контроля над парламентом, ЕР также усилила влияние на местных чиновников путем создания партийных организаций в каждом субъекте РФ, увеличив авторитет Кремля, представленного Путиным. От правительства и обеих палат парламента до губернаторов и мэров сформировалась система доминирования одной партии на политической арене [33, с. 70].

В начале своего существования ЕР объявляла себя партией централизма. Партия акцентирует внимание на культуре и ценностях России, используя патриотизм для объединения сил в экономическом развитии и политических реформах, для обеспечения стабильности, стремится сделать Россию великой державой в мире. Вместе с тем, анализируя идеологию ЕР на рубеже 2000-х – 2010-х гг., Ли Сингэн пришел к выводу о том, что ее содержанием стал «русский консерватизм» [20, с. 109].

Партия власти в России не вписывается в привычные категории правящей партии и гегемонистской партии, полагает китайский исследователь Чжу Цзихуэй. Правящая партия обычно имеет четкую организационную структуру, множество членов и избирательный механизм, благодаря которому политическая элита, являясь членами партии, контролирует государственный аппарат через выборы. Гегемонистская партия, помимо большого числа членов, строгой организации, последовательной политики и идеологии, является ядром принятия решений и функционирования правительства [34, с. 179]. Однако ситуация в России отличается: в стране действует суперпрезидентская система, при которой кандидат на пост президента может быть выдвинут не обязательно партией, президент может участвовать в выборах как независимый кандидат без партийной принадлежности, а большинство в парламенте не имеет права формировать правительство. Основная цель партии власти – обеспечить законодательную поддержку административным чиновникам, чтобы их власть не была раздроблена [24, с. 90]. Китайские исследователи Цзан Сюлин и Би Сун подчеркивают, что в этих условиях партийные программы не обязательно отражают реальную стратегию управления, их значение для развития партий заключается, прежде всего, в продвижении собственных идей, определении целей и привлечении сторонников и избирателей [32, с. 106]. Другими словами, ЕР как партия власти не рассматривается в качестве самостоятельной партии с реальной властью. Ее успехи на выборах в Думу или поддержка со стороны В. В. Путина и Д. А. Медведева, которые поочередно занимают пост председателя партии, вовсе не означают для ученых КНР, что политическая элита Кремля обязательно является частью ЕР или что партия становится центром власти. Однако нельзя отрицать, что благодаря значительным политическим ресурсам, которыми обладает ЕР, она играет незаменимую роль в законодательной деятельности, выборах и поддержании стабильности власти.

Будучи партией власти, сформированной «сверху», она неизбежно сталкивается с внутренними кризисами, такими как проблема «разрыва представительства». По мнению Ван Хуэя, современная мировая политика в целом сталкивается с кризисом: в процессе «огосударствления» многие политические партии начинают все больше напоминать государственный аппарат. С одной стороны, эти партии заявляют о своей всеобщей представительности, выходящей за рамки классов, с другой стороны, они все больше отдаляются от народа, особенно от низших слоев, что и приводит к возникновению «разрыва представительства» [14, с. 70–75]. Эта проблема в еще большей степени относится и к ЕР: партия, созданная государством и обслуживающая его интересы, всегда остается его придатком. Таким образом, китайские авторы характеризуют ЕР такими чертами, как преобладание государственных интересов над классовыми, направленность, оторванность от народных масс и недостаточная социальная база [34, с. 178]. Поэтому низкая реальная поддержка со стороны населения и недостаточная общественная репутация являются основными проблемами ЕР.

Псевдооппозиция

Псевдооппозиция представляет собой один из важных сегментов многопартийной системы России. С точки зрения китайских исследователей, российские псевдоопозиционные партии характеризуются следующими тремя особенностями: 1) имеют полугосударственный характер, поддерживают тесные связи с Кремлем, находятся под его жестким контролем и активно поддерживают Путина по ключевым вопросам; 2) привлекают поддержку определенных групп благодаря своим заявлениям и идеологиям, что фактически расширяет базу поддержки государственной власти; 3) внешне сохраняют черты оппозиции, имеют независимые структуры, программы и формы деятельности, что повышает легитимность власти [34, с. 181]. Однако псевдооппозиция не является оппозицией в полном смысле слова, ее ключевое отличие заключается в отсутствии независимости. Такие партии не могут функционировать как политические организации с собственной волей, не способны избежать внешнего контроля и подавить внутренние противоречия и разногласия, оставаясь приверженными своим задачам и идеологии [22, с. 73–77]. Основная цель псевдоопозиции – привлечь поддержку различных социальных групп для обеспечения их лояльности к государственной власти, нейтрализовать потенциальные оппозиционные силы.

Фэн Яньли считает, что на левом фланге российской партийной системы к псевдоопозиции относится партия «Справедливая Россия» (СР), отстаивающая интересы среднего и низшего классов. В основе ее ценностей лежат справедливость, свобода и солидарность, а ее идеология базируется на «новом социализме». В долгосрочной перспективе СР стремится сохранить лучшие достижения социализма из наследия СССР и поддерживает курс на интеграцию с Европой [30].

В целом, полагают в Китае, СР поддерживает политику Путина и фактически является союзником власти. Существует даже мнение, что в 2007 г. именно СР предложила изменить Конституцию РФ, увеличив срок президентского мандата с 4 до 6 лет, что фактически проложило путь для переизбрания Путина в 2012 г. (на самом деле инициатива принятия этого законопроекта исходила от Президента РФ того времени Д. А. Медведева и была заявлена в ежегодном Послании Федеральному Собранию 5 ноября 2008 г.). Также в 2018 г. партия поддержала Путина на президентских выборах [13, с. 107]. Ли Сингэн видит своеобразие СР в том, что она, в отличие от ЕР, которая полностью подчинена власти, и от КПрФ, которая активно выступает в качестве оппозиции, занимает промежуточную позицию, выражая свои взгляды в рамках установленных границ и не являясь настоящей оппозицией. По сути, она играет роль буферной зоны между Путиным, ЕР и КПрФ. В политическом плане как оппозиционная партия СР выступает против монополии ЕР в политике. Например, ЕР выступает за создание Правительства РФ парламентским (т. е. своим) большинством, тогда как СР этот путь отвергает [21, с. 66].

Среди правых партий, выполняющих аналогичную функцию, наиболее влиятельной является Либерально-демократическая партия России (ЛДПР). Эта партия была основана в 1989 г. известным российским политиком Владимиром Жириновским и стала первой, зарегистрированной после введения многопартийной системы в СССР. Хотя партия заявляет, что страна должна быть свободной, демократической, объединяющей преимущества капитализма и социализма, Ли Сингэн пришел к выводу, что ЛДПР относится к экстремистским националистическим партиям с ярко выраженным русским националистическим уклоном. Партия поддерживает такие западные ценности, как многообразие форм собственности, личную свободу, свободу рынка, противодействие диктатуре и монополизации власти одной партией. В то же время ЛДПР выступает как против западной либеральной демократии и капитализма, так и против социализма советского типа [20, с. 109].

Несмотря на критику Кремля, Жириновский в ключевых вопросах, особенно в международных делах, являлся надежным союзником Путина [34, с. 180]. С 2001 по 2011 г. Жириновский занимал должность вице-спикера Государственной Думы и вписался в систему государственной власти. Внутри страны, несмотря на резкую риторику, ЛДПР редко выступает против законопроектов ЕР. Кроме того, Жириновский решительно выступал против расширения НАТО на восток и против западных стран. В целом взгляды ЛДПР отличаются сильным националистическим уклоном. Противники партии даже называют ее фашистской, тогда как сторонники считают ее политикой настоящим патриотизмом [27].

Для расширения своего политического влияния в 2011 г. Путин инициировал создание Общероссийского народного фронта (ОНФ), который считается в КНР коалицией партий, явно поддерживающих Путина (хотя реальный состав ОНФ включает главным образом непартийные организации). Лозунг ОНФ: «Если ты за Путина, значит ты за Фронт». Кроме ЕР и с 2014 г. СР, в ОНФ вошли партии «Родина», «Патриоты России», «Зеленые». Идеология Фронта соответствует идеологии Путина, т. е. умеренному консерватизму с правым уклоном. Учитывая явную поддержку Путина и состав, преимущественно из малых партий, этот Фронт можно рассматривать как фактическую коалицию псевдооппозиции [34, с. 183].

Системная оппозиция (КПРФ)

Обсуждение системной оппозиции в китайской научной литературе обычно не выходит за рамки парламентских партий, что в целом соответствует и российской исследовательской традиции [9, с. 14]. Поэтому такая традиционная либеральная партия, как «Яблоко», после утраты парламентского статуса в 2003 г. перестала вызывать интерес в этом контексте. Однако, как нетрудно заметить, большинство нынешних парламентских партий в силу повышенной лояльности власти к системной оппозиции не относятся. Поэтому единственной партией, которая сохраняет значимую оппозиционную роль по отношению к Кремлю, признается КПРФ.

Как крупнейшая оппозиционная партия КПРФ прошла сложные этапы развития начиная с перестройки, подъема 1990-х гг., падения политического влияния в 2000-е гг. и последующего нового подъема. Хотя политическое влияние КПРФ в 2000-е гг. в целом снизились, но партия все еще остается значимой силой, которую не может игнорировать путинский режим. Китайские ученые считают, что опыт 1990-х гг. закрепил за КПРФ статус первой оппозиционной партии [15, с. 4].

Однако при правлении Путина политическая ситуация для партий в России претерпела ряд изменений. Как отмечают в КНР, повышение электро-рального порога для прохождения партий в Государственную Думу и административная поддержка формирования партии власти значительно ограничили политическое пространство для КПРФ. Внутренние расколы в 2000-е гг. также ухудшили положение КПРФ: несколько фракций, включая радикалов во главе с О. С. Шениным, откололись от КПРФ, что снизило внутреннюю сплоченность и ухудшило внешний имидж партии [17]. Идеологически КПРФ постепенно трансформируется из чисто социалистической партии в партию, исповедующую «социализм + национализм», выбирает путь умеренно левой партии, сотрудничающей с властью. Это значительно снижает угрозу, которую она представляет для путинского режима, и китайские ученые считают, что именно в 2000-е гг. КПРФ постепенно превращается в системную оппозицию [23]. Благодаря этому КПРФ стабильно сохраняет вторую по величине фракцию в Государственной Думе, а ее кандидаты на президентских выборах занимают второе место по количеству голосов. С 2018 по 2021 г. число членов КПРФ существенно выросло. Го Чуньшэн полагает, что это связано с результатами протестов против пенсионной реформы, организованных КПРФ в 2018 г., что улучшило ее репутацию и переломило тренд сокращения числа членов [15, с. 5].

По сравнению с другими оппозиционными партиями КПРФ имеет явные преимущества. По мнению Фан Тинтин, в России по-прежнему широко распространены советские и социалистические настроения. Кроме того, КПРФ унаследовала организационные структуры КПСС и имеет четкую идеологию и политическую программу с устойчивым политическим базисом и стабильным положением [29, с. 63–66]. Китайские авторы отмечают, что КПРФ начала уделять больше внимания организационному строительству и обновлению поколений, что также является ее преимуществом. Так, на президентских выборах 2018 г. кандидатом от КПРФ был выдвинут Павел Грудинин, владелец агрофирмы «Совхоз имени Ленина». На местах появились молодые представители, занявшие административные посты: коммунист Вадим Потомский стал губернатором Орловской области (а в 2018 г. его сменил в должности однопартиец Андрей Клычков), Сергей Левченко был избран губернатором Иркутской области, а Анатолий Локоть – мэром Новосибирска, третьего по величине города России [28]. Сюй Пэн и Чэнь Хун также склоняются к мнению, что КПРФ обладает сильной способностью к организации массовых движений, что является еще одним ее преимуществом. Партия активно использует массовые мероприятия в качестве важного инстру-

мента в парламентской борьбе, стремясь возродить рабочее движение и организовать протестные акции. Только в 2016 г. КПРФ провела 11 крупных протестных акций по всей России, в которых приняли участие около 12 млн человек [28].

Однако реализуемая в последние десятилетия ради выживания партии стратегия ее сотрудничества с правящим режимом порождает множество рисков. Ли Юнцюань считает, что, если КПРФ не сможет разработать эффективную политическую программу, расширить свою политическую привлекательность, она может утратить свою независимость и превратиться в псевдоопозицию [23, с. 18–25]. Внутренние противоречия также подрывают сплоченность партии. Отмечается, что проблема старения руководства КПРФ становится острой, из-за чего партия выглядит как все более дряхлеющая и стагнирующая политическая сила [16, с. 105].

Заключение

Тесная связь и сходство политических систем Китая и России в определенные исторические периоды привели к тому, что китайские ученые проявляют особый интерес к российской политике, в том числе к исследованию партийных систем. Этот интерес значительно выше, чем к изучению политических систем других стран и регионов.

Политологи КНР внимательно относятся к выводам российских коллег относительно эволюции и современного состояния партий. Они охотно заимствуют многие российские теоретические концепции, такие как «партия власти», «системная оппозиция» или отнесение современной партийной системы в России к числу систем с доминирующей партией. Однако в понимание некоторых концепций они склонны вкладывать новые смысловые значения, часто непривычные для российских ученых. Так, если в российской практике понятие «системная оппозиция» обычно распространяется на все парламентские партии, кроме ЕР, то китайские исследователи применяют его только к КПРФ. Они считают СР и ЛДПР псевдоопозицией, фактически следующей линии Кремля.

Своеобразие китайского подхода к изучению российских партий проявляется и в расстановке тематических акцентов. В частности, политологи КНР уделяют гораздо больше внимания партийным идеологиям, чем российские и западные ученые. Представляется, что такой интерес преимущественно обусловлен их марксистской методологической позицией. Кроме того, китайские авторы акцентируют свое внимание, прежде всего, на тех политических силах, которые обладают реальной властью или значительным политическим влиянием. Поэтому обычно их работы сосредоточены на характеристике старых парламентских партий, им пока не интересны «Новые люди» и непарламентские партии.

Список литературы

1. *Абрадова Е. С.* Партии и выборы в современной России // *Власть*. 2021. № 2. С. 102–106.
2. *Голосов Г. В.* Сравнительная политология и российская политика. 2010–2015. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2016. 688 с.

3. Далтон Р. Агрегация интересов и политические партии // Сравнительная политология сегодня: мировой обзор / Г. Алмонд, Дж. Пауэлл, К. Стром, Р. Далтон ; [пер. с англ.]. М. : Аспект-Пресс, 2002. С. 156–186.
4. Коргунок Ю. Г. Партийная система современной России: основной вектор развития // Актуальные проблемы Европы. 2018. № 2. С. 202–224.
5. Партии и партийные системы: современные тенденции развития / под ред. рук. Б. И. Макаренко [и др.]. М. : Полит. энцикл., 2015. 303 с.
6. Партии и партийные системы // Структурные трансформации и развитие отечественных школ политологии / О. В. Попова, Я. Ю. Шашкова, Ю. Г. Коргунок, Б. А. Исаев. М. : Аспект-Пресс, 2015. С. 111–123.
7. Партийная организация и партийная конкуренция в «недемократических» режимах / под ред. Ю. Г. Коргунока, Е. Ю. Мелешкиной, О. Б. Подвинцева, Я. Ю. Шашковой. М. : РАПН : РОССПЭН, 2012. 300 с.
8. Соловьев А. И. Политология: Политическая теория, политические технологии : учебник для студентов вузов. М. : Аспект-Пресс, 2001. 559 с.
9. Татаркова Д. Ю. Формирование политической оппозиции в России (2011–2012): конфликтный дискурс : дис. ... канд. полит. наук. М., 2014. 122 с.
10. Трудным путем демократии: процесс государственного управления в США : [пер. с англ.] / К. Джанда, Д. М. Берри, Д. Голдман, К. В. Хула. М. : РОССПЭН, 2006. 656 с.
11. Шагин С. А. К вопросу об определении понятия «партийная система» // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2023. Т. 45. С. 9–17.
12. Шутов А. Ю. Из новейшей истории формирования многопартийности в современной России // Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки. 2013. № 5. С. 84–100.
13. Би Сун [毕松]. Эволюция, теоретические основы и перспективы партии СР [公正俄罗斯党的演变、理论主张及前景] // Вопросы социализма в современном мире [当代世界社会主义问题]. 2018. № 3. С. 104–112.
14. Ван Хуэй [汪晖]. Разрыв представительства и «постпартийная политика» [代表性断裂与‘后政党政治’] // Открытая эпоха [开放时代]. 2014. № 2. С. 70–79.
15. Го Чуниэн [郭春生]. КПРФ на фоне 30-летия распада СССР [苏联解体 30 年背景下的俄罗斯联邦共产党] // Зарубежные социальные науки [国外社会科学前沿]. 2022. № 4. С. 3–13.
16. Да Лунбинь [戴隆斌]. Современное состояние, проблемы и перспективы КПРФ [俄罗斯共产党的现状、问题及前景] // Современный мир и социализм [当代世界与社会主义]. 2004. № 6. С. 104–108.
17. Ли Жуйцинь [李瑞琴]. Левые партии в условиях многопартийности в России: Проблемы и перспективы [多党制下的俄罗斯左翼政党：困境与出路] // Современный мир [当代世界]. 2017. № 11. С. 54–57.
18. Ли Сингэн [李兴耕]. Последние тенденции российских политических партий [俄罗斯政党的最新动态] // Зарубежная теоретическая динамика [国外理论动态]. 2001. № 8. С. 15–17.
19. Ли Сингэн [李兴耕]. Партийная система России в переходный период [转型中的俄罗斯政党制度] // Российские исследования [俄罗斯研究]. 2002. № 3. С. 11–17.
20. Ли Сингэн [李兴耕]. Идеология партии «Единая Россия» – Русский консерватизм [统一俄罗斯党的意识形态–“俄罗斯保守主义”] // Современный мир и социализм [当代世界与社会主义]. 2011. № 1. С. 109–113.
21. Ли Сингэн [李兴耕]. Новый социализм XXI века партии «Справедливая Россия» [公正俄罗斯党的“21 世纪新社会主义”] // Современный мир и социализм [当代世界与社会主义]. 2008. № 3. С. 64–69.
22. Ли Хайцин [李海青]. Независимость партий с миссией: Особенности успеха Коммунистической партии Китая [使命型政党的自主性：中国共产党成功的主体特征] // Теоретические перспективы [理论视野]. 2020. № 8. С. 73–80.

23. Ли Юнцюань [李永全]. КПРФ как политическая оппозиция и коммунистическое движение в России [作为政治反对派的俄共及俄罗斯共产主义运动] // Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии [俄罗斯东欧中亚研究]. 2021. № 5. С. 18–30.

24. На Чуаньлинь [那传林]. Анализ феномена партии власти в процессе государственно-го управления современной России [当代俄罗斯国家治理过程中的‘政权党’现象探析] // Исследования социализма [社会主义研究]. 2015. № 5. С. 88–95.

25. Пан Дэли [潘德礼]. Анализ партийной политики России [浅析俄罗斯的政党政治] // Исследования Восточной Европы и Центральной Азии [东欧中亚研究]. 1994. № 2. С. 28–33.

26. Тан Сянсин [唐贤兴]. Политика без правящей партии: Эволюция партийной системы в постсоветской России [无执政党的政治: 后苏联俄罗斯政党制度的变迁] // Журнал Фудань (Социальные науки) [复旦学报 (社会科学版)]. 2003. № 2. С. 77–99.

27. Тянь Юнсян [田永祥]. Либерально-демократическая партия России [俄罗斯自由民主党] // Введение в политические партии [政党介绍]. 1994. С. 40–42.

28. Сюй Пэн, Чэнь Хун [许鹏, 陈弘]. Обмен и столкновение: Практика борьбы и позиционирование КПРФ [交流与交锋: 俄罗斯联邦共产党的斗争实践与生存定位] // Исследования социализма [社会主义研究]. 2021. № 3. С. 130–139.

29. Фан Тинтин [方婷婷]. Эволюция КПРФ за 20 лет на выборах в Думу [从杜马选举看二十年来俄共的曲折发展路程] // Вопросы социализма в современном мире [当代世界社会主义问题]. 2014. № 1. С. 63–71.

30. Фэн Яньли [冯颜利]. История, современное состояние и перспективы партии СР [“公正俄罗斯党”的历史、现状及愿景] // Современный мир [当代世界]. 2017. № 9. С. 58–61.

31. Ху Синьмэй [胡兴梅]. Выборы Государственной Думы России шестого созыва [俄罗斯第六届国家杜马选举] // Международная информация [国际资料信息]. 2012. № 2. С. 37–43.

32. Цзан Сюлин, Би Сун [臧秀玲, 毕松]. Партийная политика России после выборов в Государственную Думу 2016 года [2016年国家杜马选举后的俄罗斯政党] // Современные проблемы социализма [当代世界社会主义问题]. 2016. № 4. С. 99–112.

33. Цзан Сюлин, Чжан Голиан [臧秀玲, 张国良]. Развитие и тенденции партийной политики России [俄罗斯政党政治的发展态势及其趋向] // Международные перспективы [国际视野]. 2014. № 5. С. 69–73.

34. Чжу Цзихуэй, Ян Канишюань [朱积慧, 杨康书源]. Сложная партийная система России и политическая устойчивость [俄罗斯的复合型政党体制与政治韧性] // Российские исследования [俄罗斯研究]. 2022. № 5. С. 170–200.

References

1. Abradova E.S. Parties et elections in Russia moderna [Parties and elections in modern Russia]. *Vlast*, 2021, no. 2, pp. 102–106. (in Russian)

2. Golosov G.V. *Comparativa scientia politica et politica russica, 2010–2015* [Comparative political science and Russian politics, 2010–2015]. Saint Petersburg, Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2016, 688 p. (in Russian)

3. Dalton R. Agregacija interesov i politicheskie partii [Aggregation of interests and political parties]. *Comparative politics today: A world view*. G. Almond, J. Powell, K. Strom, R. Dalton, Moscow, Aspect-Press Publishing, 2002, pp. 156–186. (in Russian)

4. Korgunyuk Yu.G. Systema partium Russiae modernae: vector principalis evolutionis [The party system of modern Russia: the main development vector]. *Actual Problems of Europe*, 2018, no. 2, pp. 202–224. (in Russian)

5. Makarenko B.I. et al. *Partes et systemata partium: modernae inclinationes evolutionis* [Parties and party systems: modern development trends]. Moscow, Political Encyclopedia Publ., 2015, 303 p (in Russian)

6. *Partes et systemata partium* [Parties and party systems]. *Structural Transformations and Development of Russian Political Science Schools*. O.V. Popova, Ya.Yu. Shashkova, Yu.G. Korgunyuk, B.A. Isaev. Moscow, Aspect-Press Publ., 2015, pp. 111–123. (in Russian)

7. *Partijnaja organizacija i partijnaja konkurencija v "nedodemokraticeskikh" rezhimakh* [Party organization and party competition in |undo-democratic| regimes]. Y.G. Korgunyuk, E.Yu. Meleshkina, O.B. Podvintsev, Ya.Yu. Shashkova (eds.). Moscow, RAPN Publ., ROSSPEN Publ., 2012, 300 p. (in Russian)
8. Soloviev A.I. *Politologija: politicheskaja teorija, politicheskie tehnologii* [Political science: political theory, political technologies]. Moscow, Aspect-Press Publ., 2001, 559 p. (in Russian)
9. Tatarikova D.Yu. *Formirovanie politicheskoy oppozicii v Rossii (2011–2012): diskurs konflikta* [The formation of political opposition in Russia (2011–2012): conflict discourse]. Cand. sci. diss. Moscow, 2014, 122 p. (in Russian)
10. *Trudnym putem demokratii: process gosudarstvennogo upravlenija v SShA* [By the difficult path of democracy: The process of government in the USA]. K. Janda, D.M. Berry, D. Goldman, K.V. Hula. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006, 656 p. (in Russian)
11. Shpagin S.A. K voprosu ob opredelenii ponjatija "partijnaja sistema" [Toward the question of defining the concept of "party system"]. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2023, vol. 45, pp. 9-17 (in Russian).
12. Shutov A.Yu. Iz novejshey istorii formirovanija mnogopartijnosti v sovremennoj Rossii [From the recent history of multiparty formation in modern Russia]. *Bulletin of Moscow State University. Series 12, Political Science*, 2013, no. 5, pp. 84-100. (in Russian)
13. Bi Song. Jevojucija, teoreticheskie osnovy i perspektivy partii "Spravedlivaja Rossija" [Evolution, theoretical foundations, and prospects of the "Fair Russia" party]. *Questions of Socialism in the Modern World*, 2018, no. 3, pp. 104-112. (in Chinese)
14. Wang Hui. Razryv predstavitel'stva i "postpartijnaja politika" [Representation break and "post-party politics"]. *Open Era*, 2014, no. 2, pp. 70-79. (in Chinese).
15. Guo Chunsheng. Kommunisticheskaja partija Rossijskoj Federacii na fone 30-letija raspada SSSR [The Communist Party of the Russian Federation against the background of the 30th anniversary of the USSR's collapse]. *Frontiers of Foreign Social Sciences*, 2022, no. 4, pp. 3-13. (in Chinese)
16. Dai Longbin. Sovremennoe sostojanie, problemy i perspektivy Kommunisticheskoy partii Rossijskoj Federacii [The current state, problems, and prospects of the Communist Party of the Russian Federation]. *Modern World and Socialism*, 2004, no. 6, pp. 104-108. (in Chinese)
17. Li Ruiqin. Levye partii v Rossii v uslovijah mnogopartijnosti: problemy i vozmozhnosti [Left-wing parties in Russia under a multiparty system: challenges and opportunities]. *Modern World*, 2017, no. 11, pp. 54-57. (in Chinese)
18. Li Xingen. Novejshie tendencii rossijskikh politicheskikh partij [The latest trends in Russian political parties]. *Foreign Theoretical Dynamics*, 2001, no. 8, pp. 15-17. (in Chinese)
19. Li Xingen. Partijnaja sistema Rossii v perehodnyj period [Russia's party system in the transition period]. *Russian Studies*, 2002, no. 3, pp. 11-17. (in Chinese)
20. Li Xingen. Ideologija partii «Edinaja Rossija» – Rossijskij konservatizm [The ideology of the "United Russia" party – Russian conservatism]. *Modern World and Socialism*, 2011, no. 1, pp. 109-113. (in Chinese)
21. Li Xingen. Novyj socializm XXI veka partii "Spravedlivaja Rossija" [The new socialism of the 21st century by the "Fair Russia" party]. *Modern World and Socialism*, 2008, no. 3, pp. 64-69. (in Chinese)
22. Li Haicai. Avtonomija partij s misiej: ključ k uspehu Kommunisticheskoy partii Kitaja [The autonomy of mission-oriented parties: the key to the success of the Communist Party of China]. *Theoretical Perspectives*, 2020, no. 8, pp. 73-80. (in Chinese)
23. Li Yongquan. Kommunisticheskaja partija Rossijskoj Federacii kak politicheskaja oppozicija i kommunisticheskoe dvizhenie v Rossii [The Communist Party of the Russian Federation as a political opposition and communist movement in Russia]. *Studies on Russia, Eastern Europe, and Central Asia*, 2021, no. 5, pp. 18-30. (in Chinese)
24. Na Chuanlin. Analiz fenomena partii vlasti v processe gosudarstvennogo upravlenija sovremennoj Rossii [Analysis of the phenomenon of the ruling party in the process of state governance in modern Russia]. *Studies on Socialism*, 2015, no. 5, pp. 88-95. (in Chinese).
25. Pan Deli. Analiz politiki partij v Rossii [Analysis of Russia's party politics]. *Studies on Eastern Europe and Central Asia*, 1994, no. 2, pp. 28-33. (in Chinese)

26. Tang Xianxing. Politika bez pravjashhej partii: Jevoljucija partijnoj sistemy v postsovetsoj Rossii [Politics without a ruling party: the evolution of Russia's party system in the post-Soviet era]. *Fudan Journal (Social Sciences)*, 2003, no. 2, pp. 77-99. (in Chinese)

27. Tian Yongxiang. Liberal'no-demokraticeskaja partija Rossii [The Liberal Democratic Party of Russia]. *Introduction to Political Parties*, 1994, pp. 40-42. (in Chinese)

28. Xu Peng, Chen Hong. Obmen i protivostojanie: praktika bor'by i pozicionirovanie Kommunisticheskoj partii Rossijskoj Federacii [Exchange and confrontation: the practice of struggle and positioning of the Communist Party of the Russian Federation]. *Studies on Socialism*, 2021, no. 3, pp. 130-139. (in Chinese)

29. Fang Tingting. Jevoljucija Kommunisticheskoj partii Rossijskoj Federacii za 20 let na vyborah v Dumu [The evolution of the Communist Party of the Russian Federation over 20 years in Duma elections]. *Questions of Socialism in the Modern World*, 2014, no. 1, pp. 63-71. (in Chinese)

30. Feng Yanli. Istorija, sovremennoe sostojanie i perspektivy partii "Spravedlivaja Rossija" [The history, current state, and prospects of the "Fair Russia" party]. *Modern World*, 2017, no. 9, pp. 58-61. (in Chinese)

31. Hu Xingmei. Vybori v shestoj sostav Gosudarstvennoj Dumy Rossii [Elections to the sixth State Duma of Russia]. *International Information*, 2012, no. 2, pp. 37-43. (in Chinese)

32. Zang Xiuling, Bi Song. Politika rossijskih partij posle vyborov v Gosudarstvennuju Dumu 2016 goda [Russia's party politics after the 2016 State Duma elections]. *Modern Problems of Socialism*, 2016, no. 4, pp. 99-112. (in Chinese)

33. Zang Xiuling, Zhang Guoliang. Razvitie i tendencii rossijskoj politicheskoj sistemy [Development and trends of Russian party politics]. *International Perspectives*, 2014, no. 5, pp. 69-73. (in Chinese)

34. Zhu Jihui, Yang Kangshuyuan. Slozhnaja partijnaja sistema Rossii i politicheskaja ustojchivost [The complex party system of Russia and political resilience]. *Russian Studies*, 2022, no. 5, pp. 170-200. (in Chinese)

Сведения об авторе

Ван Яцин

аспирант, кафедра политологии
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Российская Федерация, 634050, г. Томск,
просп. Ленина, 36
e-mail: wangyaqing4307@163.com
ORCID 0009-0001-8452-0577

Information about the author

Wang Yaqing

Postgraduate, Department of Political Science
National Research
Tomsk State University
36, Lenin ave., Tomsk, 634050,
Russian Federation
e-mail: angyaqing4307@163.com
ORCID 0009-0001-8452-0577

Статья поступила в редакцию **29.09.2024**; одобрена после рецензирования **05.11.2024**; принята к публикации **26.11.2024**
The article was submitted **September, 29, 2024**; approved after reviewing **November, 05, 2024**; accepted for publication **November, 26, 2024**